

На правах рукописи

ЗОЛОТУХИНА Анастасия Игоревна

«МЕСТО ДИАЛОГА *КРИТОН* В ПЛАТОНОВСКОМ КОРПУСЕ»

Специальность 10.02.14 - классическая филология, византийская и
новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2013

Работа выполнена на кафедре классической филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Научный руководитель:

доктор философских наук,
профессор
Шичалин Юрий Анатольевич
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет, Московский
государственный университет имени
М. В. Ломоносова

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Россиус Андрей Александрович
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
«Институт философии Российской академии
наук»
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Глухов Алексей Анатольевич
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Ведущая организация:

Российский государственный гуманитарный
университет

Защита состоится «26» апреля 2013 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.82 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, I учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан « » 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

Савельева Ольга Михайловна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Объект исследования данной диссертационной работы – диалог *Критон*, входящий в состав Платоновского корпуса, неоднородного по своему составу с точки зрения хронологии и аутентичности. В связи с этим **предметом исследования** является датировка диалога и его авторство.

В дошедшем до нас корпусе текстов Платона *Критон* – третий диалог первой тетралогии – следует за *Евтифроном* и *Апологией Сократа* и предшествует *Федону*. Так издатель сочинений Платона в 1 веке по Р. Х. Трасилл, придворный астролог Тиберия, выстроил в хронологической последовательности диалоги, скорее всего следуя жившему в 1 веке до Р. Х. платоннику Деркилиду, вероятно, впервые распределившему сочинения Платона по тетралогиям¹.

Необходимо иметь в виду, что в античности хронологический порядок платоновских диалогов как таковой (то есть с точки зрения времени их написания) ни для кого не представлял интереса, поэтому корпус в целом никогда не выстраивался с этой точки зрения. Порядок первой тетралогии Трасилла отражает драматические даты диалогов, что позволило Альбину критиковать тетралогии Трасилла за слишком явное следование драматическому развитию событий, что нехорошо в воспитательных целях². Существовали также организации диалогов, отражающие основные направления мысли Платона в целом (например, нететралогический порядок арабского философа аль-Фараби³) и организации по воспитательному принципу, то есть, в учебных целях (первые диалоги являются протрептиками, и т. д. – таков, например, тетралогический порядок Теона из Смирны⁴). При этом в основном *Критон* рассматривался вместе с *Апологией*, но есть и контрпримеры: например, Аристофан Византийский, объединивший диалоги по трилогиям, разорвал эту связку и объединил *Критон* с *Федоном* и

¹ Об этой последовательности подробно см. Tarrant, H., Thrasyllian Platonism. Ithaca and London, 1993, pp. 11-13.

² Tarrant, H., op. cit., p. 38.

³ Ibid., pp. 32-38.

⁴ Ibid., pp. 58-80.

*Письмами*⁵. Поэтому не следует полагать, что античные издатели Платоновского корпуса, будучи хронологически ближе к самому Платону, чем современные исследователи, точнее передавали хронологический порядок написания его сочинений. Скорее всего, он просто не был им интересен.

Разумеется, никто из исследователей в наше время всерьез не думает, будто последовательности событий, изображенных в диалогах, соответствует последовательность их написания; и, тем не менее, порядок Трасилла оказал сильное влияние на исследователей платоновской хронологии и издателей корпуса. В самом деле, некоторые диалоги так и остались связанными друг с другом по принципу содержания, в частности, именно так произошло с *Критоном*: в изданиях последних двух веков диалог *Критон* обычно следует за *Апологией*⁶.

Между тем, были исследователи Платона, считавшие, что *Критон* написан раньше *Апологии*⁷, а также сомневавшиеся не только в хронологической близости двух диалогов, но и в подлинности *Критона*⁸. Особенно частыми работы, осуществляющие попытку поколебать устоявшуюся точку зрения, стали в последние 20-30 лет: такие исследователи, как, например, Х. Теслефф⁹, представили свою точку зрения на Платоновский корпус и отдельные диалоги, пересматривающую основные положения «классической» точки зрения; также и в отно-

⁵ Ibid., p. 205.

⁶ Составители собраний сочинений Платона обычно, следуя принятому в науке порядку диалогов, не ставят своей целью специально решать вопросы датировки как спорные и не являющиеся предметом самостоятельного интереса, как, например, во французском издании в серии Collection Budé (*Platon. Œuvres complètes. Tome 1. Texte ét. et tr. par M. Croiset et autres. Paris, 1920*) или в русском в серии *Философское наследие* издательства «Мысль» (*Платон, Сочинения, под общей ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, т. 1, Москва, 1968*; ср. также *Платон, Диалоги. Москва, 1986*). Но иной раз хронологическая последовательность диалогов подчеркивается, как это мы видим в собрании новых переводов в издательстве Flammarion, где в каждом выпуске приводится хронологическая таблица, хотя при этом не дается специальное обоснование этой хронологии (*Platon. Apologie de Socrate. Criton. Introd. et trad. inédites de Luc Brisson. Paris, 1997*² (2005³); ср ниже сн. 14).

⁷ G. R. Ledger помещает *Критона* в период ок. 390 года, а *Апологию* в конце 380-х, что свидетельствует только о неадекватности применяемых им методов (*Ledger, G. R., Re-counting Plato: A Computer Analysis of Plato's Style. Oxford, 1989, pp. 219-222*).

⁸ Об этом речь пойдет ниже.

⁹ *Thesleff, H., Studies in Platonic Chronology. Helsinki, 1982.*

шении *Критона* были сделаны подобные попытки, в частности, итальянскими учеными¹⁰. Именно этими тенденциями объясняется **актуальность данной работы**, вводящая ее в русло ряда современных платоноведческих исследований, которые представляются весьма перспективными¹¹.

Однако названные исследования наших предшественников, усомнившихся в подлинности и ранней датировке *Критона*, на наш взгляд, не были достаточно подробны и систематичны и не создали законченной картины нашего диалога в соответствующем контексте, которую можно было бы со всей основательностью противопоставить устоявшемуся представлению о месте *Критона* в Платоновском корпусе. Между тем, как мы увидим далее, каждая часть этого небольшого диалога представляет трудности для интерпретации в русле традиционного представления. Таким образом, **целью исследования** является уточнение датировки диалога *Критон* и его атрибуции для адекватной интерпретации места диалога в корпусе. Это поможет разрешить многие проблемы, связанные с диалогом, на протяжении долгого времени обсуждавшиеся в научном сообществе и не находившие удовлетворительного решения.

Для достижения заявленной цели исследования было необходимо решить следующие **задачи**:

- изучить историю интерпретации диалога *Критон* и показать недостатки общепринятой точки зрения;
- рассмотреть литературное вступление к диалогу *Критон* и выявить его несамостоятельность по отношению к другим диалогам;
- показать важность формального критерия для датировки диалогов Платоновского корпуса;

¹⁰ В особенности, М. Montuori, см. его работу *Per una nuova interpretazione del "Critone" di Platone*. Milano, 1998.

¹¹ Хотелось бы особо отметить актуальность темы также в рамках отечественной науки: на международной конференции «Платон и платонизм в европейской культуре», прошедшей в РГГУ с 6 по 8 сентября 2012 г., проблема датировки и авторства *Критона* была представлена двумя докладами: автора данной работы и проф. А. А. Россиуса, в целом, поддерживавшего выдвинутые нами положения относительно датировки диалога.

- дать характеристику персонажей диалога и доказать несоответствие образа Сократа в *Критоне* образу Сократа из ранних диалогов;
- проанализировать «сократическую» часть диалога и выявить ее несамостоятельный характер, сближающий ее с поздними диалогами;
- выявить в диалоге отсылки к реальным историческим событиям и датировать их;
- проанализировать композицию диалога, выявить ее необычность и предложить вероятные причины этого;
- показать несомненную близость последней части диалога к самому позднему платоновскому сочинению, *Законам*;
- дать обоснование предлагаемого системного подхода к Платоновскому корпусу;
- сопоставить *Критона* с другими диалогами, вероятно, того же периода и назначения;
- дать характеристику литературного контекста, в котором создавался диалог.

Источниковедческой базой работы послужили все диалоги Платоновского корпуса¹², а также сочинения Аристотеля как необходимого контекста для рассмотрения позднего периода платоновского творчества. Иногда рассматривались также тексты современников Платона, такие, как речи Исократ и сочинения Ксенофонта. Разумеется, привлекались материалы, дающие античные свидетельства о Платоне, такие, как сочинение Диогена Лаэртца («Жизнеописание философов») и различные античные учебники платоновской философии.

¹² Текст платоновских диалогов рассматривается в диссертационной работе по двум оксфордским изданиям: по классическому изданию Дж. Бернета (*Platonis opera*, ed. J. Burnet. Oxford, 1900-1907) и по новому оксфордскому изданию (*Platonis opera*, ed. by E. A. Duke and W. F. Hicke and W. S. M. Nicoll, D. B. Robinson and J. C. G. Strachan. Vol. 1. Oxford, 1995).

Что касается **методологических оснований работы**, то здесь необходимо уточнить, что, в основном, применялся литературно-исторический анализ текста, то есть, использовались традиционные филологические методы комплексного анализа текста и историко-литературной ситуации его создания. Таким образом, вследствие специфики работы, анализ философского содержания диалога привлекался лишь во вторую очередь. Признавая его необходимость при изучении текстов Платона, мы, вместе с тем, в целом опирались на хорошо разработанный материал наших предшественников: в основном, исследователи Платона обращали и обращают внимание на философскую составляющую его текстов, тогда как историко-литературные и филологические подходы применительно к нашему тексту до сих пор, на наш взгляд, который мы стремимся обосновать, не проводились специально и со всей необходимой систематичностью. В связи с этим мы сосредоточили внимание именно на них, хотя и привлекали для анализа необходимые содержательные параллели нашего диалога с другими диалогами корпуса.

Отсюда, отчасти, вытекает **новизна данной работы**, которую можно охарактеризовать двояко: с методологической точки зрения и с точки зрения самого исследования. С точки зрения методологии, работа отличается подходом к тексту, не часто встречающимся в исследованиях Платона: уделяется особенное внимание литературному оформлению текста и, в особенности, его литературно-историческому контексту. Диалог рассматривается не изолированно, а в группе с другими диалогами, а также на фоне релевантных текстов других авторов, современных Платону. Благодаря такому «системному» подходу становится возможным уточнить место диалога в корпусе и его назначение.

Однако главным новшеством представляется сам предмет исследования и достигнутые в ходе исследования результаты, выносимые на защиту. Как будет изложено ниже, диалог *Критон* и ранее исследовался с целью установления его датировки и авторства. Однако, во-первых, ни в одном известном нам исследовании *Критон* не рассматривается одновременно как поздний и как неаутентичный диалог. Во-вторых, даже в специально посвященных этим вопросам работах, крайне малочисленных (см. ниже), аргументы в пользу поздней датировки

и, вероятно, неаутентичного характера не носили разностороннего, исчерпывающего характера. Проблема обычно была рассмотрена с какой-либо одной стороны. В настоящем же исследовании была предпринята попытка определить место *Критона* в корпусе, всесторонне аргументируя свою позицию и анализируя все части диалога.

Основными положениями диссертационного исследования, выносимыми на защиту, являются:

1. Диалог *Критон* не может считаться ранним и принадлежит к позднему периоду создания Платоновского корпуса, исходя из его формы, языка, литературного оформления, некоторых стилистических особенностей, композиции, отражения исторических реалий и содержания.
2. Диалог *Критон*, вероятно, является неаутентичным диалогом, исходя из стилистических особенностей, несамостоятельности в литературном и содержательном плане, сопоставления с другими неаутентичными диалогами.
3. Правильное понимание места диалога в Платоновском корпусе (поздний, сопоставимый с началом работы Платона над *Законами*) и цели его написания («школьный», отражающий практику *disputationis in utramque partem*, содержащий ряд материалов, подробнее рассмотренных в *Законах*) может быть достигнуто путем представления его в релевантном контексте других диалогов, сопоставления с ними и выявления их взаимовлияния.

Практическое значение работы заключается в новом взгляде не только на диалог *Критон*, но и на Платоновский корпус в целом. **Результаты работы** могут быть применены при подготовке различных курсов по истории античной литературы и философии, а также в пособиях по соответствующим темам и при создании комментария к диалогам Платона.

Апробация работы. Различные положения работы были представлены в виде докладов и сообщений на IX Международном Платоновском симпозиуме, посвященном диалогу *Государство* в г. Токио (Keio University, август 2010 г.),

на научном семинаре, посвященном философскому движению сократиков, в г. Москва (ИФ РАН, февраль 2012 г.), на Ломоносовских чтениях в г. Москва (МГУ им. М. В. Ломоносова, апрель 2012 г.), на научном семинаре, посвященном новому подходу к изучению Платоновского корпуса, в г. Дублин (Trinity College, май 2012 г.), на международной конференции «Платон и платонизм в европейской культуре» в г. Москва (РГГУ, сентябрь 2012 г.).

Структура работы такова: введение, заключающее в себе общую характеристику работы и историю вопроса, основная часть, состоящая из трех глав, заключение и библиография.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕДЕНИИ** после обоснования актуальности избранной темы, цели, задач и методологии исследования, предлагается обзор, излагающий основные этапы истории изучения хронологии Платоновского корпуса и, в частности, *Критона*, в отечественной и зарубежной науке.

История изучения платоновской хронологии, поэтапно изложенная в диссертации, показывает, что весьма существенная эволюция научных представлений о Платоне и корпусе его сочинений в XIX-XX веке не оставила заметного следа на понимании позиции *Критона* в корпусе. В основном его так и продолжали рассматривать вместе с *Апологией Сократа*. Сравним: Диоген Лаэртский на рубеже II-III вв. по Р. Х. пишет, что Трасилл определил место для *Критона* рядом с *Апологией* на основании их схожей направленности¹³, Шлейермахер в начале XIX-го в., составляя свою хронологию, сохраняет место *Критона* рядом с *Апологией*, помещая их создание сразу после смерти Сократа¹⁴, Лейзеганг в своей статье для *Realencyclopädie*, учитывая все современные ему достижения, пишет, что *Критон* продолжает начатое *Апологией*, несмотря на некоторые новые появившиеся в нем мотивы¹⁵, наконец, Люк Бриссон в новом переводе *Критона* для издательства Flammarion также не видит убедительных причин не рассмат-

¹³ DL III, 57, 7-8.

¹⁴ См., напр., *Thesleff, H.*, *Studies in Platonic Chronology*. Helsinki, 1982, p. 8.

¹⁵ *Leisegang, H.*, *Platon 1) Der Philosoph*. – *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung begonnen von Georg Wissowa. Hbd. 40, Stuttgart, 1950, Sp. 2342-25-37; стлб. 2398.

ривать его вместе с *Апологией*¹⁶, повторяя это и в новейшем *Dictionnaire des Philosophes Antiques* 2012 г.¹⁷ Однако были и учёные, заметившие некоторые особенности *Критона*, отдаляющие его от *Апологии*.

В частности, Т. Гомперц предложил поместить *Критона* в группу средних диалогов, между *Федром*, *Федоном* и *Менексеном* с одной стороны и *Государством* с другой, считая *Критона* вместе с вышеперечисленными диалогами подготовкой к *Государству*¹⁸. За ним последовали Хруст (Chroust), Райл (Ryle), Эрбсе (Erbse)¹⁹. Х. Теслефф также считает *Критона* более поздним диалогом, относящимся к среднему периоду (после *Федона*). Кроме того, он сомневается в его подлинности²⁰.

Наконец, итальянские исследователи Э. Туролла и М. Монтуори предположили поздний характер диалога и его близость к *Законам*²¹. Свою позицию они аргументировали целым рядом положений, связанных с общей направленностью диалога, образом Сократа в ранних и поздних диалогах, стилистикой диалога, характером законов, представленных в *Критоне*, не являющихся законами Афин и т. д. Таким образом, сегодня о возможности поздней датировки *Критона* можно говорить, уже опираясь на некоторую традицию.

ГЛАВА I (“Литературно-историческая характеристика *Критона*”) состоит из пяти разделов. Первый (*Литературные особенности. Вступление к диалогу: вторичный по отношению к другим диалогам характер*) посвящен литературному вступлению к диалогу (*Cri.* 43a-44b) и выявляет его несамостоятельность в литературном отношении: в диссертации приведена таблица парал-

¹⁶ *Platon. Apologie de Socrate. Criton. Introd. et trad. inédites de Luc Brisson. Paris, 1997*²: о датировке диалога см. стр. 176-177 (Бриссон пишет: «Я думаю, не имея возможности это подтвердить, что *Апология* и *Критон* написаны практически в одно время» [пер. мой – А. З.]), хронологическая таблица находится на стр. 249-252.

¹⁷ *Dictionnaire des Philosophes Antiques. Paris, 2012, Vol. Va p. 671*: «*Критон* современен *Апологии Сократа* и, как и *Апология*, должен был быть написан сразу после смерти Сократа» [пер. мой – А. З.].

¹⁸ *Gomperz, Th., Griechische Denker, B. II. Leipzig, 1903, pp. 358-359.*

¹⁹ Цит. по: *Montuori, M., Per una nuova interpretazione del “Critone” di Platone. Milano, 1998, p.16.*

²⁰ *Thesleff, H., Studies in Platonic Chronology. Helsinki, 1982, pp. 208-210.*

²¹ *Turolla, E.: ap. Platone, I Dialoghi, l’Apologia e le Epistole, Versione e interpretazione di E. Turolla. Milano, 1953*¹, 1964². *Montuori, M.: Il Critone. Un proemio alle Leggi? Napoli, 1993; Per una nuova interpretazione del “Critone” di Platone. Milano, 1998.*

лельных мест, показывающая, что вступление *Критона* полностью построено на других диалогах, в основном, *Федоне*, а также *Протагоре*, *Теэтете* и др.

Во втором разделе (*Формальный критерий*) утверждается важность и необходимость рассмотрения формы диалога при изучении платоновской хронологии. На это следует обратить внимание, так как нам известно, что для самого Платона форма диалога не была случайностью и специально помечалась. Пересказанные диалоги группируются вокруг главного из них – *Государства*; переход же от формы рамочного пересказанного диалога к прямому, как известно, описан Платоном в *Теэтете* 143b5-c5. Такие диалоги, как *Федон* и *Протагор*, формально являются пересказанными рамочными диалогами, тогда как *Критон* написан в прямой драматической форме с участием только двух персонажей (нечастый случай для раннего-зрелого Платона). При схожести литературного оформления форма различна. В свете такой логики появление *Критона* более вероятно в период после *Теэтета*, и не только с формальной точки зрения. *Теэтет* также возрождает интерес к теме последних дней Сократа, ранее развивавшейся в таких диалогах, как *Апология* и *Федон*. С этой точки зрения легко объяснить тесную связь *Критона* с *Апологией*, не сближая их при этом по времени написания.

Третий раздел (*Характеристика персонажей. Критон-литературный персонаж. Образ Сократа в Критоне в сравнении с другими диалогами*) посвящен рассмотрению двух персонажей диалога, Критона и Сократа, причем утверждается их сугубо литературный характер. Отдельно разбирается вопрос, волновавший многих исследователей Платона: сравнение образов Сократа в *Критоне* и в «ранних» диалогах, в особенности, в *Апологии*, и их несовпадение. Самое главное недоумение заключается в рабском повиновении и служении Сократа из *Критона* Законам, изложенном во вставной речи Законов. Это плохо сочетается с характером Сократа в *Апологии*, для которого главная ценность в жизни — служение Богу (Ар. 23c). Способы разрешения этого несоответствия

предлагались различные²², однако все они недостаточно убедительны; к тому же, к указанному несоответствию можно добавить и другие (в *Апологии* Сократа интересует индивидуум, в *Критоне* – множественное, безличное начало; иронический характер Сократа в «ранних» диалогах исчезает в *Критоне* и др.). С другой стороны, наблюдаются параллели с более поздними диалогами, в частности, с *Теэтетом*.

В четвертом разделе («Сократический» диалог: ориентация на школьную традицию) внимание было уделено второй части диалога, т. е. «традиционному сократическому» диалогу (*Cri.* 46a-50a). В частности, была проанализирована не только его функция в развитии рассуждения (из «деструктивной» критики общераспространенного образа мысли, характерной для «ранних» диалогов, к позднему периоду сформировалась «конструктивная», т. е., поиск с помощью того или иного метода положительных ответов на поставленные вопросы, что видно уже в *Критоне* и сближает его, таким образом, с поздними диалогами²³), но и содержательный, и стилистический аспект. На этих основаниях был выявлен его подражательный школьный характер.

В содержательном плане характерной особенностью этой части *Критона* являются постоянные отсылки к неким «предыдущим» рассуждениям; всего их можно насчитать тринадцать. По большей части они выглядят так: Сократ в реплике к Критону ссылается на некий тезис, относительно которого оба собеседника уже согласились в прошлом. Такое скопление отсылок к предыдущим диалогам в Платоновском корпусе больше не встречается: в некоторых диалогах могут быть напоминания о том, что было сказано раньше, но в рамках одного диалога. Например, в *Апологии* 28a4-5: ὁ δὲ καὶ ἐν τοῖς ἔμπροσθεν ἔλεγον, «то, что я и раньше говорил», отсылает к 18b, многим обвинителям Сократа в прошлом. В других случаях отсылки не только происходят в рамках одного диалога, но и расшифровываются, как в *Протагоре* 353b3-5, *Государстве* 504a4-b4. Таким

²² «Законы не выражают мнение самого Сократа»: R. Weiss, D. Bostock, V. Harte, – «апологетический характер *Критона*»: G. Ryle, Th. Gomperz – «несовпадение Законов *Апологии* и Законов *Критона*»: J. Burnet, M. Montuori.

²³ См. Thesleff, H., Studies in the Styles of Plato. Helsinki, 1967, p. 37, n. 3.

образом, Платон в своих диалогах стремится максимально ясно изложить ход мыслей, заботясь, чтобы от читателя ничто не ускользнуло; но в *Критоне* предполагается, что целый пласт тем уже известен и пояснять их не требуется. Некоторые из ссылок могут быть поняты путем сопоставления их с другими диалогами Платоновского корпуса, но не только с ними: усматриваются также параллели с Аристотелем (таблица отсылок приведена в диссертации).

Эта содержательная особенность, во-первых, хронологически отодвигает время создания *Критона*: он не может предшествовать тем диалогам, на которые ссылается; во-вторых, выдает несамостоятельный характер диалога. Адресаты ссылок выявляют связь диалога с традицией платоновской школы и, в целом, его несамостоятельность: все случаи «отсылок» являются общими местами, постоянно разбирающимися в платоновских диалогах (например, тема мнения знатока, тема неприемлемости несправедливости, тема ошибочности мнения большинства и т.п.). Во всех случаях эти «школьные» темы вводятся как уже знакомые, а зачастую даже лексически повторяют другие диалоги (например, ср. тему мнения большинства в *Cri.* 44d и *Prot.* 353a: помимо всего прочего, использованы очень похожие выражения ὅτι ἂν τύχῃσι τοῦτο λέγουσιν – *Prot.* – и ποιοῦσι δὲ τοῦτο ὅτι ἂν τύχῃσι – *Cri.*). Несамостоятельность подчеркивается лексически: выбор слов, технических формулировок и приемов говорит не в пользу ранней датировки и часто расходится с обычным платоновским употреблением.

Наконец, в пятом разделе (*Исторический контекст. Отклик на современные диалогу реалии*) производится попытка датировать диалог на основании упоминания в нем Фессалии и неблагоприятной политической обстановки в ней (53d2-4). Представляется, что характеристика, данная Фессалии в *Критоне* (ἐκεῖ γὰρ δὴ πλείστη ἀταξία καὶ ἀκολασία), более всего соответствует периоду фессалийской истории 60-х годов IV в. до Р. Х. Правление Ясона из Фер (70-е гг.) хоть и было тираническим, однако беспорядочным его назвать сложно. В 60-е же годы государственное устройство было крайне неустойчивым, а лидеры не вызывали положительных оценок современников²⁴. Таким образом, и этот критерий склоняет нас к поздней датировке диалога. Общее негативное отношение

²⁴ Подробнее см. Thessalia // PWRE Zweite Reihe Elfter Halbband, pp. 123-124.

Платона к Фессалии могло быть спровоцировано, в частности, неудачным опытом политических реформ в этой области двоюродного дяди Платона, Крития²⁵.

ГЛАВА II (“Композиция *Критона* и его близость к *Законам*”) состоит из двух разделов. В первом разделе (*Композиционные особенности диалога: отражение ситуации в Академии. Отличие от т. н. апоретических диалогов*) рассматриваются особенности композиции *Критона*. Композиция *Критона* необычна: Х. Теслефф²⁶ назвал ее ‘climactic’²⁷, то есть, без обычной кульминации в центре диалога: особенность, встречающаяся, помимо *Критона*, еще в *Пармениде*. Действительно, кульминацией диалога является последняя часть, речь Законов, которая соотносится с речью Критона в начале диалога как тезис и антитезис. На такую композицию могла повлиять тенденция составления речей *pro et contra* в школьной среде, вероятно, распространившаяся в поздний период Академии при Платоне. Кремер (H. J. Krämer) отмечал важность развития этого жанра - *disputatio in utramque partem, die Disputation in Rede und Gegenrede* — в Академии для сохранения традиции академической диалектики²⁸. Такая практика могла появиться уже при Платоне, на что указывает не только *Критон*, но и *Теэтет* (где Сократ вначале представляет тезис Протагора, а затем опровергает его), и, может быть, также *Парменид* с его положительным и отрицательным изложением теории идей и парами тезисов-антитезисов о Едином и Ином.

Второй раздел (*Речь Законов в *Критоне*: очевидная связь с *Законами**) рассматривает знаменитую просопопею *Критона*: вставную речь Законов, завершающую диалог. Эта часть всегда вызывала некие трудности в интерпретации, некоторые из которых рассматривались в третьем разделе Главы I (*Образ Сократа в *Критоне* в сравнении с другими диалогами*). Напомним, одним из ключевых вопросов являлся вопрос о том, как Сократ может повиноваться этим за-

²⁵ *Античная философия*. Энциклопедический словарь. Москва, 2008, статья «Критий» А. Л. Верлинского, см. тж. *Bultrighini, U.*, *Maledetta Democrazia. Studi su Crizia*. Alessandria, 1999.

²⁶ *Thesleff, H.*. *Studies in the Styles of Plato*. Helsinki, 1967. См. напр. p. 160: «Заметные отклонения композиции от нормы встречаются, помимо *Апологии*, *Менексена* и *VII Письма*, в *Критоне* и *Пармениде*» [пер. мой – А. З.].

²⁷ *Ibid.*, p. 168.

²⁸ *Krämer, H. J.*, *Platonismus und Hellenistische Philosophie*. Berlin-New York, 1971, pp. 30-32.

конам и какова их природа. Стало ясным, что Законы эти не являются законами Афин (что было показано М. Монтуори²⁹ и, кроме того, для того, кто, как Сократ, презирает мнение большинства и полагается только на мнение *одного*, было бы нелогично одобрять демократические законы). Кроме того, известна склонность Сократа из *Критона* к законам Спарты и Крита. С другой стороны, это реальные, действующие законы и их нельзя поставить в один ряд с рассуждениями о законодательстве в *Государстве*, где конкретные законы и четкие их различия не так важны, как последовательно проводимая параллель государства и души. Наиболее адекватным фоном для законов из *Критона* представляется одноименный диалог *Законы*. Перечисленные функции законов в последней части *Критона* повторяются в *Законах*, причем рассматриваются более подробно. В ряде случаев в обоих диалогах совпадает даже последовательность рассматриваемых законов. Остановимся на двух ярких параллелях *Критона* с *Законами* и *Государством*:

- законы о браке. Это первая обязанность законодателя в *Legg.* 720e10 sqq.: {ΑΘ.} Φέρε δὴ πρὸς θεῶν, τίς ἄρα πρῶτον νόμον θεῖτ' ἂν ὁ νομοθέτης; ἄρ' οὐ κατὰ φύσιν τὴν περὶ γενέσεως ἀρχὴν πρώτην πόλεων πέρι κατακοσμήσει ταῖς τάξεις;... Γαμικοὶ δὲ νόμοι πρῶτοι κινδυνεύουσιν τιθέμενοι καλῶς ἂν τίθεσθαι πρὸς ὀρθότητα πάση πόλει. Специально законодательству в области брака посвящена в *Законах* часть 772d5-776b4. Добавление к правилам деторождения: *Legg.* 783d8-785b2. В *Государстве* законодательный порядок инвертирован: в начале и основе всего стоит правильное воспитание, при его наличии браки и деторождение будут происходить сами собой: εὖ παιδευόμενοι μέτριοι ἄνδρες... πάντα ταῦτα ῥαδίως διόψονται... τὴν τε τῶν γυναικῶν κτῆσιν καὶ γάμων καὶ παιδοποιίας (*Resp.* 423e4-7). Подобная установка вообще характерна для *Государства* (см. ниже). Собственно правила брака и деторождения для стражей изложены в V книге *Государства* (458-462): их умозрительный характер очевиден, ясно, что не они регламентируют жизнь персонажей *Критона*. С другой стороны, некоторые исследователи отмечают, что это не бы-

²⁹ Montuori, M., Per una nuova interpretazione del "Critone" di Platone. Milano, 1998, pp. 45-47.

ли и афинские законы в области брака, которые во времена Платона были довольно расплывчаты и свободны, тогда как эти законы (о браке, рождении и воспитании детей) производят впечатление хорошо продуманных и точных³⁰.

- концепция ‘раба Законов’: 50e4: ἡμέτερος ἦσθα καὶ ἔκγονος καὶ δοῦλος. Это – самый характерный момент в *Критоне*, сближающий его с *Законами*. Цитата иллюстрирует необходимость и главенствующую роль повиновения в *Законах*: *Legg.* 762e1-5: δεῖ δὴ πάντ' ἄνδρα διανοεῖσθαι περὶ πάντων ἀνθρώπων ὡς ὁ μὴ δουλεύσας οὐδ' ἂν δεσπότης γένοιτο ἄξιος ἐπαίνου, καὶ καλλωπίζεσθαι χρὴ τῷ καλῶς δουλεῦσαι μᾶλλον ἢ τῷ καλῶς ἄρξαι, πρῶτον μὲν τοῖς νόμοις, ὡς ταύτην τοῖς θεοῖς οὔσαν δουλείαν... и определение правителей как «рабов закона»: *Legg.* 715c6-d6: τοὺς δ' ἄρχοντας... ὑπηρετάς τοῖς νόμοις ἐκάλεσα... οἱ δὲ ἄρχοντες δοῦλοι τοῦ νόμου. В *Государстве* ничего подобного мы не находим: выше всего стоят моральные ценности человека, человек – выше закона и не нуждается в нем при надлежащем воспитании: Ἄλλ' οὐκ ἄξιον, ἔφη, ἀνδράσι καλοῖς καὶ γαθοῖς ἐπιτάττειν· τὰ πολλὰ γὰρ αὐτῶν, ὅσα δεῖ νομοθετήσασθαι, ῥαδίως που εὐρήσουσιν (*Resp.* 425d7-e2). Характерен контекст этой фразы: ее произносит Адимант, как только Сократ начинает задумываться о необходимости детальной проработки законов в той или иной области; далее оба приходят к заключению, что необходимо дать только самые общие законы, разработка множества частных смешна (425e5 sqq.). Ясно, что ко времени *Законов* установка совершенно изменилась, и именно она отражена и в *Критоне*³¹.

ГЛАВА III (“Критон в контексте *Corpus Platonicum*. Цель написания диалога”) состоит из четырех разделов и посвящена выяснению места *Критона* в Платоновском корпусе и определения вероятной цели его написания.

Первый раздел (*Необходимость системного подхода, учитывающего, в том числе, литературное окружение и место диалога в корпусе. Пример: рас-*

³⁰ См. *Montuori, M.*, op. cit., pp. 62-63.

³¹ Если не учитывать этой непосредственной связи с *Законами*, приведенное в начале абзаца место из *Критона* непонятно. Действительно, зачастую это место признается комментаторами, защищающими традиционную точку зрения, «нелогичным» (см. напр. комм. Эмлин-Джонса: *Plato, Crito*, ed. by Ch. Emlyn-Jones. 1st ed. Bristol, 1999, repr. 2001, p. 78).

смотрение группы т. н. апорийных диалогов (*Хармид*) на фоне *Государства*) описывает применяемый нами метод «системного» анализа диалогов корпуса, т. е., рассмотрение диалогов не по отдельности, а в контексте других диалогов и, если возможно, произведений современников. В частности, четко различая цели написания различных диалогов, оказывается возможным группировать малые диалоги вокруг больших; при этом большие диалоги, создававшиеся в течение продолжительного времени, являются фоном для создания малых диалогов, отражающих тематику больших. Например, можно выделить группу диалогов периода работы над *Государством*, которые рассматривают те же темы, что и в *Государстве*, но в «апоретическом» ключе, тогда как *Государство* – догматический диалог, представляющий окончательный на данном этапе вариант учения. В малых же диалогах (например, в *Хармиде*) отражается дискуссия по этому вопросу или разработка соответствующего материала.

Можно предположить примерно такую же ситуацию и в период работы над *Законами*, которые, сами по себе, являются даже большим по объему произведением, чем *Государство*, и, несомненно, диалогом, в котором гораздо большее внимание уделяется реальным деталям государственного устройства и законодательства. Надо полагать, для создания такого сочинения необходима была предварительная работа. Нельзя ли увидеть следы этой работы в других диалогах? Рассмотрению этого вопроса посвящен второй раздел (*Группа диалогов времени работы над Законами (Алкивиад I, Евтифрон, Критон, Минос). Их внутренние связи и связь с Законами*).

В разделе рассматриваются четыре диалога, которые, как нам представляется, во-первых, связаны между собой, а во-вторых, все связаны с *Законами* именно так, как было описано в предыдущем разделе. Эти диалоги – *Алкивиад I, Евтифрон, Критон, Минос*. Часть из них признается бесспорно неаутентичными, каждый из них по-своему откликается на *Законы* и друг на друга (особенно очевиден случай *Миноса*), а кроме того, все они схожи по формальному призна-

ку (прямые драматические, два персонажа, почти все на тему последних дней Сократа³²).

Не только все эти диалоги оказываются тематически связанными между собой и с *Законами*, но их тематика также находит отклик в различных сочинениях Аристотеля, причем в тех, которые создавались либо еще в академический период, либо сразу после него³³. Рассмотрению этого вопроса посвящен третий раздел (*Аристотель*).

Прежде всего, именно Аристотель вводит в академическую практику обязательное историческое рассмотрение вопроса, то есть, наличие специальных исторических экскурсов и справок³⁴. Именно с такой подборкой материала мы сталкиваемся в рассмотренных диалогах (особенно в *Миносе*, однако и в *Алкивиаде I*, и в *Евтифроне* можно усмотреть подобные пассажи).

Однако у Аристотеля можно найти отражение и отдельных тем, которым посвящены интересующие нас маленькие диалоги. Ср. *Тор.* 105b21-23, где Аристотель помещает среди типичных «положений, касающихся нравственности» (ἠθικαὶ προτάσεις), непосредственную тему *Евтифрона*: «следует ли повиноваться больше родителям или законам, если они не согласуются друг с другом».

Далее, наличествуют и переклички с *Критоном* и близкой к нему тематикой *Законов*. По Аристотелю все граждане являются собственностью государства (*Pol.* 1337a 27-29), поэтому государство обязано регламентировать все жизненные этапы граждан: прежде всего, брак, затем деторождение (1334 b – 1336a), воспитание детей (1336a sqq., специально о том, что воспитание молодых людей должно быть общественным делом: 1337a 11-12, 22-24, 26-29) и т. д. Ср. тж. *Pl. Legg.* 762e1-7 – *Arist. Pol.* 1277a 25-27, 1277b 9-13 относительно идеи рабов закона.

³² В *Алкивиаде I* на эту тему намекает заключительная реплика Сократа: «Хорошо, если б ты остался при этом решении. Страшусь, однако, – не потому, что не доверяю твоему нраву, но потому, что вижу силу нашего города – как бы он не одолел и тебя, и меня» (135e6-8) (пер. С. Я. Шейнман-Топштейн).

³³ В биографических и хронологических данных об Аристотеле я, в основном, следую И. Дюрингу: *Düring, I., Aristoteles / PWRESuppl.* XI, col. 171-184.

³⁴ См. его собственное определение такого типа работы в *Тор.* 105b12-18.

Тексты Аристотеля являются необходимым независимым свидетельством о характере академической жизни позднего платоновского периода, подтверждающим общие черты рассматриваемых диалогов и помогающим в уточнении их датировки.

Наконец, в четвертом разделе (*Задачи диспутации, проводимой в Критоне*) ставится вопрос о предполагаемой цели написания *Критона*. Цель диспутации *Критона* не соответствует более раннему (до завершения *Государства*) периоду платоновского творчества. *Критон* отличен от «апоретических» диалогов, поскольку в нем отсутствует апория как таковая. С одной стороны, диалог являет собой пример школьной диспутации *pro et contra*, с другой – подготовку к *Законам*.

С точки зрения *Законов*, каждый из четырех малых рассмотренных диалогов рассматривает и подготавливает определенный вопрос, важный для *Законов*. Целью *Миноса*, в свете такой логики, является просто определение закона как такового, *Алкивиада I* – внешняя политика в государстве, законоустройство таких государств, как Персия и Спарта, и необходимость самопознания для государственного деятеля, *Евтифрона* – соотношение в государстве закона и благочестия и, наконец, *Критона* – рассмотрение вопроса беспрекословного повиновения человека закону в любой жизненной ситуации, а также роли законов в организации всей жизни человека.

Всё вышесказанное позволяет нам датировать *Критона*, вместе с приведенными тремя другими диалогами, началом работы над *Законами*, временем после *Теэтета* и до *Софиста*, вероятно, между 2-ой и 3-ей сицилийскими поездками, то есть второй половиной 60-х годов IV в. до Р. Х.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ диссертации содержит описание основных выводов, сделанных в ходе работы, а также обобщает использованные аргументы в пользу выносимых на защиту тезисов:

Общий обзор аргументов:

а) Поздний характер *Критона*.

- формально диалог соотносим с диалогами Платоновского корпуса, относящимися к позднему периоду;

- композиционно и стилистически диалог близок к позднему стилю Платона;
- в литературном оформлении диалог опирается на предшествующие (*Федон, Протагор* и т. д.);
- образ Сократа в диалоге не соответствует раннему периоду;
- в содержательном плане диалог также опирается на предшествующие, что, в частности, показывают многочисленные лексически оформленные ссылки на предыдущие рассуждения;
- в диалоге отражены некоторые исторические реалии, не допускающие ранней датировки;
- сам тип аргументации не соответствует ранним образцам: сократический диалог «конструктивен», окончание диалога не апоретично;
- последняя часть диалога может быть интерпретирована только в контексте *Законов*, самого позднего платоновского диалога.

б) Неаутентичность *Критона*.

- диалог несамостоятелен в литературном плане;
- композиционно он соответствует типу *spuria*, без кульминации в центральной части;
- диалог также несамостоятелен в содержательном плане: вся вторая часть («сократический» диалог) состоит из доказанных ранее положений, выраженных с помощью школьных формулировок;
- вся композиция диалога отражает практику школьных упражнений в речах *pro et contra*;
- диалог сопоставим с другими неаутентичными диалогами времени написания *Законов* формально и содержательно.

Итак, в ходе исследования мы постарались с разных сторон проанализировать диалог *Критон*, каждый раз сопоставляя его с другими диалогами корпуса, принимая во внимание лексическую, формальную, композиционную, стилистическую и содержательную составляющую. Каждая часть диалога, проанализи-

зированной таким образом, позволяла уточнить гипотезу о месте *Критона* в Платоновском корпусе.

Одним из новшеств работы является особое внимание к формально-литературной технике диалога, которой чаще всего пренебрегают, но которая, при наличии большого количества наглядного текстуального материала, оказывается весьма полезной. Историко-филологический анализ, которому отдается предпочтение в данной работе, дал возможность по-новому ответить на актуальные, на наш взгляд, вопросы о датировке и авторстве *Критона*, а также о его соотношении с другими диалогами Платоновского корпуса. Этому соотношению посвящена значительная часть работы, во-первых, также отличающая ее от других исследований данного диалога, во-вторых, открывающая новые перспективы для изучения платоновского творчества.

Рассуждая о цели написания *Критона*, исследователи характеризовали его и как «продолжение *Апологии*³⁵», и как «новую апологию Платона в защиту самого себя³⁶», и как «общедоступное введение к *Законам*³⁷». Все эти версии имеют право на существование сами по себе до тех пор, пока мы не попытаемся представить диалог не изолированно, а в контексте других текстов Платона и его современников. Именно поэтому в качестве одного из важнейших пунктов данного исследования надо считать описанный в III-ей главе системный подход к Платоновскому корпусу, пользуясь которым, мы сравнили ситуацию создания *Государства* с ситуацией *Законов* и попытались выделить группу диалогов, сходную функционально.

При таком подходе разрозненные положения и аргументы приобретают общую направленность: выявить цель и условия написания диалога. Контекст, в котором создавался диалог, позволяет справиться с некоторыми трудностями интерпретации как самого *Критона*, так и наметить перспективы для рассмотрения диалогов одной с ним группы, то есть для *Алкивиада I*, *Евтифрона* и *Миноса*. Кроме того, открываются возможности для новой интерпретации всего

³⁵ “A sequel to the *Apology of Socrates*”: Ryle, G., *Plato’s progress*. Cambridge, 1966, p. 146.

³⁶ Gomperz, Th., *Griechische Denker*, B. II. Leipzig, 1903, pp. 358-359.

³⁷ Montuori, M., *Per una nuova interpretazione del “Critone” di Platone*. Milano, 1998, p. 86.

корпуса. Как мы видели, группа т. н. «ранних» диалогов распадается и некоторые из них предстают на деле поздними и, вероятнее всего, неподлинными (диалоги времени работы над *Законами*), вопрос об «апоретических» диалогах, фактически, снимается, когда мы сопоставляем их с догматическим произведением (*Государство* и диалоги времени работы над ним), и т. д.

Таким образом, данное исследование предлагает не только новую интерпретацию такого важного диалога, как *Критон*, но и, смеем надеяться, новую парадигму для изучения Платоновского корпуса в целом.

Публикации по теме диссертации:

Публикации в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, рекомендуемых ВАК:

1. Критон-сократик: пример создания фиктивного представителя школы // Вестник ПСТГУ. Серия «Богословие. Философия», выпуск 3 (41). М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. С. 97-104.
2. <Рец. на кн.> Platon. *Ménexène*. Trad. par D. Loayza. Flammarion, 2006. // Вестник ПСТГУ. Серия «Богословие. Философия», выпуск 2 (18). М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. С. 176-179.

Другие публикации:

1. Платоновский диалог «Критон»: возможность более поздней датировки // Материалы XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «ЛОМОНОСОВ». М., МГУ, 2009. С. 259-261.
2. Σωφροσύνη in the Republic and the Charmides: dogmatic and aporetic points of view. // Proceedings of the IX Symposium Platonicum on Plato's Politeia, Vol. 2. Tokyo, 2010. P. 245-249.